

Свободный университет в Ленинграде (1988—1991)

Дмитрий Бреслер

От составителя

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_209

Dmitrii Bresler
From the Guest Editor

В эпоху образовательных онлайн-платформ, на которых собраны курсы из лучших университетов мира, формула «свободный университет» ассоциируется с независимым от государственного патронажа учебным заведением, где читают лекции и ведут семинары университетские преподаватели, по тем или иным — политическим или институциональным — причинам не способные изложить свой материал в рамках курсов в регулярных высших учебных заведениях. Такой университет может не выдавать официальных дипломов, быть не сертифицирован — желание студента ознакомиться с курсом не только продиктовано личными интересами в знании и науках, (бес)сознательным воспроизведением идеологии *liberal arts*, но и выражает определенную политическую позицию, предполагает пассивное сопротивление властному дидактическому дискурсу, тактическое ускользание от биополитических государственных стратегий.

Современная история свободных университетов неразрывно связана с волнами эмиграции, политическими репрессиями XX века, с созданием подпольной сети диссидентского сообщества, с информационными каналами, выстроенными в обход властным СМИ (самиздат), с культурной альтернативой институционально закреплённой науке и искусству. Но начинается эта история веком ранее и связана с эмансипацией женского образования, с противостоянием национального самосознания имперской политике. И соответственно, понятие «свободный университет», как в позднесоветскую эпоху, так и в настоящее время, должно объединять, например, такие институции, как Летучий университет и Общество учебных курсов в Польше царского времени и периода антикоммунистического сопротивления, «квартирные университеты»

(bytová univerzita) в Чехословакии, наиболее активно действовавшие во второй половине 1960-х годов и подавлявшиеся после Пражской весны 1968 года.

В СССР также существовал квазиакадемический, «университетский» или «семинарский», формат взаимодействия внутри неофициального культурного и диссидентских сообществ: в истории ленинградского андеграунда известны Семинар по знаковым системам С.Ю. Маслова (1967—1982), Религиозно-философский семинар Т.М. Горичевой и В.Б. Кривулина (1974—1980), Домашний семинар Д.Е. Максимова, проходивший параллельно его Блоковскому семинару на филологическом факультете ЛГУ в 1960—1980-е годы, Переводческий семинар Т.Г. Гнедич в Пушкине (1957—1976) и многие другие. В таких микроинститутах не только вырабатывались языки сопротивления советской идеологии, но и производились сохранение и передача неконвенционального культурного знания, анализировался актуальный художественный материал, формировалось сообщество культурного андеграунда. Регулярность встреч, сфокусированное внимание на докладах, посвященных самым различным темам, необходимый к преодолению барьер вхождения в круг «семинаристов» позволяют сделать предположение о равнозначности медиальной прагматики сети семинаров и сети самиздата, по крайней мере в крупных городах и столицах СССР. Однако если о самиздате как механизме альтернативного советского медиа существуют исследовательские работы¹, то деятельность культурно-исследовательских микроинституций в этом аспекте ранее не анализировалась. Свободный университет братьев Горошевских, созданный в 1988 году на базе Центральной лектория общества «Знание», оказался последней позднесоветской институцией андеграунда; как «переходное» образование он одновременно соответствовал медиальной и институциональной функциям перечисленных выше ленинградских объединений и служил основанием для нового сообщества литераторов, критиков, деятелей искусства, сформировавших культурный ландшафт 1990-х годов.

В настоящем блоке совершается первая попытка историко-культурного описания Свободного университета в Ленинграде (1988—1991). В статье **Дарьи Переплетовой** и **Дмитрия Бреслера** на основе архивных документов, личных свидетельств участников и участниц воссоздана история институции, описано ее влияние на культурную перестроечную повестку, в частности на дебаты вокруг «нового искусства» и «новой литературы» конца 1980-х годов. В статье **Дмитрия Бреслера** подробно описана история поэтической мастерской Свободного университета, руководимой Д. Волчком и Б. Останиным, излагается метапоэтическая концепция неофициальной литературы Останина, собранная из разрозненных самиздат-публикаций и — главным образом — проявленная в его педагогической стратегии ведения мастерской. Также в статье описывается литературная практика слушателей мастерской Останина. Завершает аналитическую часть блока статья **Дарьи Переплетовой** о мастерской критической прозы О. Хрусталева и о ее концепции «новой прозы», совмещающей черты фикционального и критического дискурсов. В отличие от Останина, Хрусталева видела социокультурный потенциал педагогической практики в Свободном университете, поэтому деятельность мастерской

1 В первую очередь стоит упомянуть работу: *Von Zitzewitz J. The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union.* London: Bloomsbury Publishing, 2020.

критической прозы рассматривается в контексте истории взаимодействия академических, журнальных и — наследующих советскому андеграунду — культурных институций, существовавших на излете перестройки.

В приложении к блоку впервые публикуются поэтические тексты **Валерия Артамонова**, **Глеба Денисова** и эссе **Дмитрия Голынка**, написанные ими в период посещения Свободного университета и включенные в состав неизвестного ранее специального 82-го номера журнала «Часы», который собирался слушателями поэтической мастерской Останина. Публикацию подготовил **Руслан Миронов**, один из редакторов несостоявшегося выпуска.

Дмитрий Голынка (1969—2023) участвовал в подготовке блока, должен был написать статью о мистико-эзотерических опытах и оккультных мотивах в творчестве слушателей поэтической мастерской, однако не успел этого сделать. Многие его наблюдения, точные и оригинальные, были использованы авторами блока и, насколько это возможно, последовательно изложены в статье Дмитрия Бреслера всегда с упоминанием авторства идей и тезисов. Памяти Мити Голынка посвящается этот блок.

Мы также приносим глубокую благодарность Е.И. Антипову, Л.Ю. Аркус, А.Е. Барзаху, И. Беловой-Медведевой, Д.Б. Волчеку, С.А. Глазковой, А. Макевой, А.М. Мирзаеву, Р.И. Миронову, А.В. Скидану, М.Е. Сорину, О.О. Хрустальной, С.А. Чубраеву, С.А. Шутову, чьи письменные и устные свидетельства позволили написать представленные в блоке статьи.